

УДК 811.112.2

ББК 83.3(2Рос=Рус)6+81.2Нем

М523

В.Б. Меркурьева

Иркутск, Россия

Н.Л. Каскевич

Иркутск, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАКАРОНИЧЕСКОЙ ПЕСНИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Статья раскрывает содержание понятия «макароническая песня», которое традиционно связывается со сферой комического. Ставится задача рассмотреть характерные особенности смешанных колониальных песен российских немцев на основании анализа песен «Alle Jahr na kaschdyi God» и «Спи, младенец мой прекрасный».

Ключевые слова: макароническая песня, российские немцы, колониальные песни, билингвизм, фольклор, интерференция.

V. B. Merkurjewa

Irkutsk, Russia

N. L. Kaskevich

Irkutsk, Russia

LINGUISTIC PECULIARITIES OF MACARONIC SONGS OF GERMAN FROM RUSSIA

The given article defines the concept of «macaronic song» which is traditionally associated with the realm of the comical. The purpose of the article is to point out characteristic features of the mixed colonial songs of Germans from Russia illustrated by the analysis of the songs «Alle Jahr na kaschdyi God» and «Спи, младенец мой прекрасный».

Key words: macaronic song, Germans from Russia, colonial songs, bilingualism, folklore, interference.

«Песни – это вехи воспоминаний. Будучи частью и, вместе с тем, выражением жизненных миров человека, песни сопровождают его на протяжении всей истории – разумеется, это в полной мере относится и к российским немцам». (Э. Йон) [Йон, 2015, с. 226].

В собраниях песен российских немцев можно найти множество двуязычных песенных текстов. Их появление, а также переложение немецких текстов на русские мелодии, переводы местных текстов песен на немецкий язык, заимствования из русских (или украинских) песен связано с влиянием соседних регионов, входивших в состав Российской империи.

Колонистские песни российских немцев нельзя считать отдельным жанром в традиционном смысле слова, ведь они представляют собой неоднородную группу песен, которые объединены тем, что районы их возникновения и распространения ограничиваются поселениями немецких колонистов в России. В эту группу песен входят песни разных жанров: лирическая, колыбельная, шуточная, политическая, солдатская песня, песня переселенцев, баллада и др. [Йон, 2015, с. 230].

Особую группу внутри колонистских песен составляют русско-немецкие смешанные или, как их называет В. М. Жирмунский, макаронические, песни. Макароническая поэзия (нем. Knödeldichtung, итал. poesia maccheronica, от maccheroni – макароны, блюда, воспринимавшегося как грубая крестьянская пища, ср. названия вроде «кухонная латынь»; ср. у Фишарта «Nuttelverse» – от немецкого Nudel) – это вид шуточной поэзии, написанной особым смешанным жаргоном, в котором слова одного языка чередуются со словами другого языка, подчиняясь при этом законам морфологии первого языка [Мокульский, URL: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le6/le6-7091.htm>]. Такого рода смешение языков вследствие контраста приводит к эффекту неожиданности, который обуславливает зачастую комическое воздействие макаронической поэзии. Обычно макароническая поэзия не ограничивается комизмом своего жаргона и

также наполняет необычную форму сатирическим, насмешливым содержанием. Этот вид поэзии нередко становится орудием классовой борьбы, средством обособления оппозиционного класса от принятых среди господствующего класса форм литературы. Наряду с этим, однако, существует и макароническая поэзия исключительно развлекательного типа.

Макаронические стихи были известны еще в древние времена (например, у римского поэта Авзония в 4 в. до н. э.); первоначально этим именем назывались латинские стихи с иноязычными вкраплениями, в частности греческими [Квятковский, URL: <http://wikilivres.ru>].

В России макаронические песни и макароническая поэзия никогда не были особенно популярны. Свой расцвет они переживают именно в немецких колониях в России. Появление русско-немецких песен лингвисты связывают с появлением билингвизма в среде российских немцев. Макаронические русско-немецкие песни представляют собой особый вид колониальных песен. Их отличительной чертой являются чередование строк на разных языках (русском и немецком), единичные вкрапления русских слов, целиком или частично написанных на русском языке, но с явным влиянием немецкого языка. Тексты макаронических песен написаны либо кириллицей, либо латиницей. В подавляющем большинстве песенных вариантов сохраняется противопоставление – русские слова пишутся кириллицей, а немецкие – латиницей.

Ученые анализируют макаронические песни на предмет их жанрового разнообразия, тематики, лексического состава и т.д. На первом этапе это лишь включение отдельных русских лексем. Постепенно их количество увеличивается, перерастает в целые строки, а затем четверостишия. Однако, стоит подчеркнуть то обстоятельство, что немецкий язык на начальном этапе возникновения макаронических песен оказывает достойное «сопротивление» русскому и всячески демонстрирует свою доминанту [Меркурьева, 2015, с. 239].

Исследователи песенного творчества немецких колонистов связывают начало научного исследования в этой области с появлением песенного сборника «Народные песни и детские стихи из поволжских колоний» Иоганнеса Эрбеса и

Петера Зиннера. Данный сборник песен поволжских немцев (предназначенный в первую очередь для юных читателей) является первым в своем роде и содержит песни 20 различных жанров (в 11 разделах). В общей сложности он включает в себя 280 текстов песен и детских стихов и 300 различных загадок. Авторы сборника рассматривают вопросы появления немецкой народной песни в России, говоря о путях их проникновения в страну, благодаря подмастерьям, лекарям, учителям и всем «иностранцам», искавшим работу на новых местах. И. Эрбес и П. Зиннер также придают большое значение воспитательной функции народной песни. Они утверждают, что «нельзя переоценить ту благодать, которая исходит на народ от хорошей и тщательно сохраняемой народной песни»¹. Немецкую народную песню они считали важным инструментом сохранения не только немецкого языка, но и национальной культуры в целом, аргументируя это тем, что песня тесно связана с традициями, а там, где живы традиции, жива и народная песня. «Народная песня находит свое место в тех колониях, где все еще отмечаются веселые крестьянские свадьбы старого типа, по два дня подряд»². Значимость данного сборника для собирателей и исследователей немецкой народной песни сложно переоценить, так как именно он впервые ввел в научный оборот внушительный пласт произведений устного народного творчества российских немцев в России [Пузейкина, 2015, с. 20].

В макаронических песнях двуязычность воспринимается автором как конфликт, возникающий из-за явления интерференции языков. Через высмеивание языкового смешения немецкого и русского языков, которое часто встречается в разговорной речи российских немцев, поэты стараются преодолеть свои внутренние преграды. Писатели Рейнгольд Франк и Готтлиб Фрик – лишь одни из многих, которые требовали, однако, от своих соотечественников использования чистого, свободного от иноязычного влияния родного языка.

¹ Erbes J., Sinner P. Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien, gesammelt und mit einem Anhang von Rätseln zum 150-jährigen Jubiläum der Wolgakolonien herausgegeben von J. E. u. P. S. Saratow, 1914. S. 12

² Erbes J., Sinner P. Op. cit. S. 11.

Например, в написанном Г. Фриком в конце 80-х годов стихотворении «Hochzeitsversen», высмеиваются бытовые привычки российских немцев. Несмотря на то, что в его произведениях содержатся пуристические высказывания, сам он смешивает два языковых регистра в одном тексте, создает осознанно комический эффект. С помощью использования разговорных слов автор имитирует речь носителей языка, при этом созданный автором текст носит метаязыковой характер, он посвящен именно языковому смешению:

Na waschej Hochzeit wünsche ich
wam rasskasatj, drusja,
kak unsre sprache wsja smeschalasj,
daß auszusprechen nelsja. [Kirjuchina, 2000, s. 103]

Последующие строфы стихотворения также представляют собой смешанные языковые пассажи. Немецкие слова по необъяснимому с логической точки зрения принципу заменяются русскими и наоборот, поэтому имитация реального языка представляется забавной. Интересна концовка стихотворения в виде пожелания новобрачным, в которой автор прибегает к символическим наставлениям избегать смешения языков и призывает говорить на родном языке. Эксплицитно выраженная дидактическая установка противоречит некоторым образом комическому началу.

Ljubitje otschenj ein den andern,
seid wie odna duscha.
No snaitje, die gemischte Sprach
ist gar nicht choroscha.
I ja chotschu was otschenj bitten:
in waschem Haus wdwojom
sprecht nur auf eure Muttersprache,
na jasyke rodnom. [Kirjuchina, 2000, s. 104]

В данном тексте видна явная неуверенность самого автора в пользовании двумя языками как в лексическом плане, так и с грамматических позиций, поэтому серьёзность призыва к постоянному использованию лишь одного языка

представляется сомнительной. (В скобках заметим, что, если новобрачные являлись носителями разных языков (русского и немецкого), что, хотя и редко, но, всё же, имело (и имеет) место, то каждому пришлось бы, следуя наставлениям автора, говорить на своем родном языке, что привело бы к абсурдности ситуации и отсутствию коммуникации. Русские люди и российские немцы в отдельных случаях могли общаться друг с другом каждый на своём родном языке и понимать друг друга. Хотя языки и не являются близкородственными, люди могли общаться как в процессе семи-коммуникации. Случаи эти особенные, когда соседи, малознакомые люди или даже друзья, по тем или иным причинам, не хотят переходить на язык другого и соблюдают ярко выраженную дистанцию. Подобные ситуации, однако, не являются типичными).

Мы выбрали для изучения две макаронические песни: «Alle Jahr na kaschdyi God» и «Спи младенец мой прекрасный». Шутливая русско-немецкая смешанная песня «Alle Jahr na kaschdyi God» была известна в конце 20-х годов среди российских немцев Поволжья. Единственный вариант песни был записан фольклористкой Эммой Дингес в 1929 году в российско-немецкой деревне Блюменфельд.

1. Alle Jahr na kaschdyi God,
Kommt das Christuskind pridjot.
2. Kehrt mit seinem Segen swoi,
Ein in jedes Haus domoi.
3. Ledig moschno i ostatsja,
Und die Weibsleut' liewe.
4. Sami budit rastawatsja,
Beim hellen und beim Triewe.
5. Lohme Christjan, Altegott,
Braude Schneider Ischariot [9].

Содержание данной песни и логичность повествования скорее являются в ней второстепенными, т. к. «Alle Jahr na kaschdyi God» начинается с описания

ежегодной атмосферы рождественского праздника, затем две строфы повествуют о женщинах, которых можно любить, оставаясь холостяком, а концовка представляет собой перечисление имен собственных в рифмованном виде.

В целом, в песенном творчестве немецких колонистов в песнях смешанного характера рифмуются, как правило, немецкие слова с немецкими, а русские – с русскими. Конечная позиция русских лексем в строках также не случайна и связана с намерением акцентировать внимание именно на этих словах, ведь макаронические песни являются в первую очередь шутливыми произведениями, а противопоставление двух языков в них – намеренное.

Комический эффект также достигается благодаря повторам. Таким образом, в первой и второй строфах (в каждой строке) немецкоязычные понятия и формулировки повторяются на русском языке, создавая тавтологические конструкции: *Alle Jahr – na kaschdyi God, / Kommt – pridjot. / seinem – swoi / in jedes Haus – domoi.*

Подчеркнем некоторые особенности графики. Русские слова в тексте данной песни написаны латиницей. В транслитерации имеются недочеты, и она скорее является лишь примерной передачей звучания. В графическом отображении часто встречается буква *j* в позиции перед гласным: *pridjot, ostatsja, rastawatsja*. Сложно однозначно сказать, обозначает ли здесь буква *j* действительно мягкость предшествующего согласного или же неумение произносить русские палатализованные согласные и подстановку после них короткого «*j*». Звук [j] на письме, в свою очередь, отображается буквой *i*: *swoi, domoi*.

Отметим и графическое воспроизведение замены слабых звонких согласных на сильные глухие (и наоборот). В словах *moschno* и *kaschdyi* мы наблюдаем графическую фиксацию замены шумного звонкого звука [ʒ] на глухой [ʃ]. Что касается замены согласного [ʒ] на глухой в позиции после сонорного перед гласным, то необходимо отметить, что данный согласный не входит в систему согласных фонем немецкого языка и присутствует в немецком языке только в заимствованных словах (*Genie* [ʒeˈni:], *Etage* [eˈta:ʒə]).

Также отметим неразличение немцами звука [i]. Сюда относится написание слова *kaschdyi*. Поскольку в немецком языке звук [i] отсутствует, то данную особенность написания можно толковать как попытку отобразить на письме этот звук. Это подтверждает и то обстоятельство, что данные чередования наблюдаются только в написании латиницей, в которой нет полного соответствия данному звуку.

К лексическим особенностям относятся перечисление вымышленных имен собственных *Lohme Christjan, Altegott, Braude Schneider*, они включены в текст для создания рифмы, что также обуславливает комический эффект песни. Слово «*Ischariot*» (от имени библейского персонажа Judas Ischariot - Иуда Искарот) было выбрано конечным, с нашей точки зрения, не только для образования шутовой рифмы, но и для красивого завершения песни и продолжения религиозной темы, начавшейся с упоминания Рождества, важного религиозного праздника.

Отметим некоторые грамматические неточности с позиции русского языка, встречающиеся в тексте этой песни. В первой строке мы наблюдаем использование предлога «на»: *na kaschdyi God*. В русском варианте предлог отсутствует – каждый год. Во фразе *Sami budit rastawatsja* образована необычная для русского языка форма будущего времени. Сравним его с русским вариантом – *сами расстанемся*. В этой фразе мы также наблюдаем типичное для российских немцев написание слова *budit* (по правилам русского языка окончание другое – *-ет*) и *rastawatsja* (в тексте российских немцев игнорируется характерная для русского языка двойная согласная: *расставаться*).

Проанализируем некоторые особенности колыбельной песни «Спи, младенец мой прекрасный». Эту макароническую песню пели в 1930-х годах в окрестностях Ленинграда, в поселениях российских немцев. Три строфы песни повествуют о предполагаемых событиях из будущей жизни убаюкиваемого маленького мальчика. Текст песни был записан М. В. Окрент, студенткой германиста и филолога В. Жирмунского в 1930 году в российско-немецком поселении Николаевка в окрестности Ленинграда.

1. Спи, младенец мой прекрасный

Баюшки спюю.

Denn du hast gar nicht Kalbasnoj

Schlaf, mein süsser Bub.

2. Bist du младший, so denk immer,

В Питер надо жить,

Lernst dann, lehre два с полтиной

Будешь получить.

3. Kommst zu sechzig, fahrst Kartoffel

С женкой молодой,

Sauf nicht viel, sonst wirst besoffen

Kommst nach городской. [10]

Русские и немецкие части текста подвергнуты интенсивному смешению в этой песне. Песня повествует о жизни мальчика (*süsser Bub*), который засыпает под эту песню, что описано в первой строфе. В следующих двух строфах излагается возможный сценарий будущего: будучи младшим сыном, мальчик не унаследует двор. Поэтому, повзрослев, он отправится в город на заработки. В третьей строфе он представляется как взрослый мужчина, который развозит картофель со своей женой. Он получает хороший совет, не напиваться, чтобы не попасть в камеру-вытрезвитель.

В тексте наглядно продемонстрировано, как русские слова в немецких строках или, напротив, немецкие в русских используются для удобства поддержания размера и рифмы, здесь нет явного русского контекста или диалога. Стоит отметить непостоянство в записи русских лексем: все они записаны кириллицей, за исключением слова *Kalbasnoj*.

В данной смешанной колониетской песне в зачине употребляются лексемы с гендерными характеристиками *младенец* и *Bub*. Лексема *жена* также входит в эту группу лексики и нередко встречается в различных макаронических песнях. В анализируемой макаронической песне встречается иной вариант употребления данной лексемы. В этом тексте в третьей строфе используется слово *женка*: *Kommst zu sechzig, fahrst Kartoffel / С женкой молодой*. *Женка* – разговорная,

шутливая уменьшительная форма от «жены». Подобное словоупотребление, возможно, отражает семейный уклад колонистов, где главой семьи был мужчина.

Один раз встречается в песне лексема *городовой*: *Sauf nicht viel, sonst wirst besoffen / Kommst nach городской*. Это подтверждает тот факт, что названия профессий, связанных с наказаниями и штрафами, являются одной из частотных групп лексики в русско-немецких песнях. В царской России *городовой* – это низший чин городской полиции, поэтому данная лексема появляется в песне, когда речь идет о наказании за пьянство.

Здесь встречаются слова бытового характера, отражающие повседневную жизнь колонистов: *Kolbasnoj, besoffen, Kartoffel, saufen*.

Выражение *gar nicht Kolbasnoj* (никакой колбасы) означает, что семейные доходы малы и поэтому стол накрыт довольно скудно. Из этого можно сделать вывод, что семья, скорее всего, проживала в сельской местности, где, в отличие от Петербурга царила беднота [4]. На выбор данного слова в тексте немецкой песни влияют также русский контекст и общий шутливый характер текста: *Спи младенец мой прекрасный, / Баюшки спюю. / Denn du hast gar nicht Kalbasnoj / Schlaf, mein süsser Bub*.

В песне также встречается слово *Питер*, краткая разговорная форма топонима Санкт-Петербург и существенная для характеристики всей группы бытовых слов, хотя и не столь частотная лексема *жить*: *В Питер надо жить*.

Стоит отметить особое грамматическое употребление глагола во второй строфе: *Два с полтиной будешь получить*. В русском языке используется форма «получать».

В последнем четверостишии возникает сложность интерпретации первой строки: *Kommst zu sechzig*. Местные реалии, как замечает В.Б. Меркурьева, со временем забываются [Меркурьева, 2015]. Она нашла объяснение этого словосочетания в упомянутой книге Л.Н. Пузейкиной. Здесь мы имеем дело с названием колонии «Sechziger Kolonie», а не указанием на возраст жениха, как это могло бы показаться на первый взгляд [Меркурьева, 2015]. В данной песне по причине стихотворного размера опущено слово «колония», а смысл этой стихотворной

фразы таков: «Приедешь в шестидесятую колонию с твоей молодой женой...». Тот факт, что слово *sechzig* не связано с возрастом жениха, подтверждается достаточно высокими моральными устоями в среде российских немцев: воспевание неравных браков (шестидесятилетний жених и молодая жена) сложно представить, к тому же обычно российские немцы обзаводились семьей не в столь зрелом возрасте [Меркурьева, 2015].

Существует версия, что песня «Спи, младенец мой прекрасный» пародирует написанную М. Ю. Лермонтовым Казачью колыбельную песню (1838). В России эта песня широко распространена и популярна. Ее текст воспевает становление потомков казаков, их превращение в конных солдат, которые служат в русской армии. Для сравнения приведем первую строфу стихотворения М. Ю. Лермонтова:

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

Строки 1, 2 и 4 из песни «Спи, младенец мой прекрасный» возможно являются прямым переложением на немецкий язык стихотворения М. Ю. Лермонтова. Кроме того, оба текста повествуют, хотя и различным способом, о предполагаемой будущей судьбе малыша, которого убаюкивают. Аналогичные строки стихотворения состоят из языковых оборотов, часто встречающихся в колыбельных песнях («Спи, младенец мой прекрасный», «Schlaf, mein süßer Bub», «Баюшки-баю»). Первая строка макаронической песни полностью соответствует начальной строке стихотворения М. Ю. Лермонтова. Вторая строка, в свою оче-

редь, несколько изменена: здесь встречается контаминация двух русских выражений из «Казачьей колыбельной песни» – «баюшки-баю» и «песенку спою» в одно – *баюшки спою*. Стихотворный ритм обоих произведений также совпадает.

Таким образом, появление макаронической песни в среде российских немцев обусловлено взаимным интерферирующим влиянием русского и немецкого языков. В народном творчестве немецких колонистов свое отражение находят их культура, традиционный жизненный уклад и моральные устои. В смешанной песне сосуществуют и взаимно обогащают друг друга языковые средства обоих языков. На примере макаронических песен представляется возможным изучение не только их фонетических, лексических и грамматических особенностей, но также и особенностей языковой интерференции. Это обстоятельство позволяет проводить анализ и определять характер изменений, происходивших в языке российских немцев в XIX столетии.

Библиографический список

1. *Йон Э.* Санкт-петербургские Ромео и Джульетта: песни немецких колонистов в коллективной памяти // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. №1. С. 226-237.
2. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь: макаронические стихи // [Электронный ресурс]. – URL: http://wikilivres.ru/Поэтический_словарь/Макаронические_стихи (Дата обращения: 24.10.2016).
3. *Меркурьева В.Б.* «Борьба языков» в макаронических песнях петербургских колонистов // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. №1. С. 238-244.
4. *Меркурьева В.Б.* Колыбельные для взрослых // Международный информационно-аналитический журнал «CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык». 2015. №3. С. 119-129.
5. *Мокульский С.* Литературная энциклопедия: макароническая поэзия // [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le6/le6-7091.htm> (Дата обращения: 03.02.2016).
6. *Пузейкина, Л.Н.* Мы пели, мы жили, мы были... Песни немецких колонистов Петербургской и других губерний России. СПб. : Нестор-История, 2015. 240 с.

7. Пузейкина Л.Н. Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни. СПб.: Нестор-История, 2013. 382 с.

8. Kirjuchina L. Sowjetdeutsche Lyrik (1941-1989) : zu den Themen Muttersprache und Heimat als narrativer Identitätsakt / L. Kirjuchina. Wiesbaden : Otto Harrassowitz Verlag, 2000. – 573 S.

9. Populäre und traditionelle Lieder (Alle Jahr na kaschdyi God) [Electronic resource]. – URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/alle_jahr_na_kaschdyi_god/editiona (Дата обращения: 17.12.2016).

10. Populäre und traditionelle Lieder (Спи, младенец мой прекрасный) [Electronic resource]. – URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/spi_mladenec_moj_prekrasnyj/editiona (Дата обращения: 17.12.2016).

References

1. John E. (2015). Romeo and Juliet from Saint Petersburg: the Songs of the German colonists in the folk memory / E. John // Annual of the International Association of the Researchers of the History and the Culture of the Russian Germans. – 2015. – №1. – P. 226-237. (In Russian).

2. Kvyatkovsky A.P. Poetic dictionary: macaronic poems. – URL: http://wikilivres.ru/Поэтический_словарь/Макаронические_стихи. (In Russian).

3. Merkurjeva V.B. (2015). «The conflict of languages» in the macaronic songs of the German colonists in Saint Petersburg / V. B. Merkurjeva // Annual of the International Association of the Researchers of the History and the Culture of the Russian Germans. – 2015. – №1. – P. 238-244. (In Russian).

4. Merkurjeva V.B. (2015). Cradle songs for adults / V. B. Merkurjeva // Crede Experto: transport, society, education, language. – 2015. – №3. – P. 119-129. (In Russian).

5. Mokulsky S. Literary encyclopedia: macaronic poetry. – URL: <http://febweb.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le6/le6-7091.htm>. (In Russian).

6. Puseikina L.N. (2015). We sang, we lived, we were... Songs of German colonists in St. Petersburg and other Russian governments / L. N. Puseikina // SPb.: Nestor-History, 2015. – 240 p. (In Russian).

7. Puseikina L.N. (2013). Germans in St. Petersburg government: history, language, songs / L. N. Puseikina // SPb.: Nestor-History, 2013. – 382 p. (In Russian).

8. Kiryukhina L. (2000). Soviet German lyric (1941-1989): in terms of topics «mother tongue» and «homeland» as a narrative identity act / L. Kiryukhina. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 2000. – 573 p. (In German).

9. Popular and traditional songs (Alle Jahr na kaschdyi God). – URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/alle_jahr_na_kaschdyi_god/editiona. (In German).

10. Popular and traditional songs (Спи, младенец мой прекрасный). – URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/spi_mladenec_moj_prekrasnyj/editiona. (In German).